

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭТИКА

THEORETICAL ETHICS

[Пустая страница]

[This page intentionally left blank]

Дискурсы этики. 2021, 1(11): 13—34

ISSN 2311-570X (online)

Постоянная ссылка:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2021/12/DE2021_1_11_11-34.pdf

УДК 17.0

РЕФЛЕКСИВНОСТЬ МОРАЛЬНОГО СУБЪЕКТА В ЭТИКЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Беляева Е. В.

статья:

поступила в редакцию 30.09.2021

принята к публикации 15.12.2021

опубликована (онлайн) 27.12.2021

© Беляева Елена Валериевна

доктор философских наук, доцент

доцент философии культуры Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь

адрес для корреспонденции: bksisa@rambler.ru

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Аннотация. Этика ответственности развивается как теория морали, описывающая, объясняющая и нормативно обеспечивающая правильность жизни рефлексивного субъекта современных постмодерных и неотрадиционных систем нравственности. Моральный субъект обладает нерефлексивной рациональностью (интуицией), рациональной рефлексией (в понятиях) и внерациональной рефлексией (в поведенческой коммуникации). Рефлексивность проявляется как соотнесение себя с Другим, своего текущего морального опыта с прошлым и проектируемым будущим, предполагает обоснование нравственных норм и аргументацию их значимости в свободной коммуникации с другими участниками нравственных отношений. Рефлексивность представляет собой практическую способность, которая проявляется не только в

познании, но и в поступке, не только в гносеологической, но и в онтологической плоскости. Рефлексия позволяет моральному субъекту конституировать себя, становиться компетентным в нравственной области и практически брать на себя ответственность за происходящие нравственные процессы.

Ключевые слова: рефлексия, рефлексивность, моральный субъект, моральная рефлексия, ответственность, этика ответственности.

Статья подготовлена в рамках гранта ГПНИ № ГР 20212272

Discourses of Ethics. 2021, 1(11): 13—34

ISSN 2311-570X (online)

permanent link:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2021/12/DE2021_1_11_11-34.pdf

REFLEXIVITY OF THE MORAL SUBJECT IN THE ETHICS OF RESPONSIBILITY

Elena Belyaeva

received 30.09.2021

accepted 15.12.2021

published (online) 27.12.2021

© Elena V. Belyaeva

Doctor of Science in Philosophy, Docent

Associate Professor, Philosophy of Culture Department, Belarusian State University, Minsk,
Republic of Belarus

Correspondence to: bksisa@rambler.ru

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Abstract: The ethics of responsibility is developing as a theory of morality that describes, explains and normatively ensures the correctness of the life of a reflexive subject of contemporary postmodern and neo-traditional morality systems. The moral subject possesses non-reflective rationality (intuition), rational reflection (in concepts) and non-rational reflection (in behavioral communication). Reflexivity manifests itself as the correlation oneself with the Other, one's current moral experience with the past and the projected future, it presupposes the substantiation of moral norms and the argumentation of their significance in free communication with other participants of moral relations. Reflexivity is a practical ability that manifests itself not only in cognition, but also in action, not only in the epistemological, but also in the ontological plane. Reflection allows the moral subject to constitute himself, become competent in the moral field and practically take responsibility for the ongoing moral processes.

Keywords: reflection, reflexivity, moral subject, moral reflection, responsibility, ethics of responsibility

Funded by State Research Programs - ГПНИ № ГР 20212272

Введение

Под этикой ответственности понимается особый тип теории морали, теоретико-методологические особенности которого отличают его от этики долга и этики блага [8; 11]. Складываясь во второй половине XX века, этика ответственности не образовала отдельной школы либо течения в истории этических учений, она представлена разнородными в философском отношении авторами, ни один из которых не был чистым рационалистом. Между тем, решая собственные философские задачи, М. Вебер, Т. Адорно, М. Бахтин, М. Мамардашвили, Ж.-П. Сартр, Х. Арендт, К.-О. Апель, Ю. Хабермас, Э. Левинас, Г. Ионас, Х. Ленк, П. Рикёр и другие очертили контуры нового типа теории морали, трактующего мораль как ответственное разрешение проблемных ситуаций и для которого проблема рефлексивности морального субъекта является значимой.

В любой теории морали так или иначе рассматривается проблема соотношения морали с разумом как фундаментальной характеристикой человека и рефлексией как важнейшей характеристикой разума. С одной стороны, разум, мышление, сознание, познание издавна провозглашались отличительными чертами, позволяющими человеку занять то место в мире, которое он имеет, с другой — такой же неотъемлемой составляющей жизни человека провозглашается мораль. Обладать гуманностью и означает быть человеком. Поэтому логично предположить, что между разумностью и моральностью есть прямая взаимосвязь, что и было реализовано в этическом рационализме как сквозном течении в истории этических учений. Вслед за изменением представлений о разуме и появлением новых типов рациональности, трактовки моральной рациональности также эволюционировали. Была преодолена определенная ограниченность проекта Просвещения, проблематика рационального познания была дополнена проблемами

рационального социального действия и морального поступка, что включила в себя обращение к свободе и ответственности субъекта [23, с. 15]. Поэтому при построении этики ответственности как особого типа теории морали разум стал пониматься максимально широко, но главное — разнообразно, включая осмысление различных исторических типов рациональности и рефлексии.

Второй, примыкающий к первому, аспект проблемы заключается в соотношении разума и рефлексии, рациональности и рефлексивности. С одной стороны, рефлексия рассматривается как обязательная характеристика разума, эволюционирующая вместе с ним [10], предпосылка критического мышления и самой способности мыслить. С другой стороны, рефлексия и рациональность не тождественны, и в философской литературе обосновывается возможность внерациональной рефлексии и актов рациональности, не предполагающих рефлексии [12]. Для этики ответственности этот аспект важен для того чтобы рассмотреть рефлексивность и как специфическую моральную рациональность современного мира, и как практическую внерациональную способность.

Третий аспект проблемы обнаруживается при анализе феномена морали в контексте психологических представлений. Мораль состоит не только в рациональных убеждениях, но предполагает наличие воли, позволяющей решиться на поступок, эмоций, придающих моральным ценностям личностную значимость, памяти, накапливающей нравственный опыт, веры в мораль как таковую и других компонентов, объединенных в целостный психический мир индивида. Соответственно в этике возникает проблема соотношения рационального и эмоционального в морали [18], разума и веры в ее обосновании, рациональных размышлений и волевой решимости при совершении нравственного поступка. Разрешение этой проблемы в этике ответственности состоит в выходе за границы данных антитез и полагание целостной нравственной способности человека к поступку, для понимания которой важно прояснить вопрос о рефлексивных аспектах моральной психологии.

Четвёртый аспект проблемы «мораль и разум» обнаруживается при соотнесении моральных способностей человека с познавательными, которые, в свою очередь, могут трактоваться не только как рациональные. В истории этики вопрос о возможности и природе морального познания постоянно ставится, обсуждается, отбрасывается и всплывает вновь. Познавательный статус моральных высказываний стал ключевой проблемой метаэтики, и этика ответственности стремится использовать ее опыт, рассматривая рефлексивность с учетом своеобразия морального познания.

Таким образом, проблема рефлексивности в этике имеет множество аспектов, проанализированных в научной литературе, целью же данной статьи является экспликация рефлексивности морального субъекта в этике ответственности как важной характеристики этого типа теории морали.

Рефлексия и рефлексивность

Слово «рефлексия» происходит от латинского *reflexio* — загибание, обращение назад. В программировании рефлексия — процесс, во время которого программа может отслеживать и модифицировать собственную структуру и поведение во время выполнения. В психологии рефлексия — это возвращение субъекта к содержанию и функциям собственного сознания для повышения самосознания. В социологии — способность социальной теории включать саму себя в число объясняемых объектов. В философии — прояснение фундаментальных оснований и предпосылок мышления и культуры. Такое «обращение назад» предполагает возвращение к себе самому, взгляд на себя со стороны, позволяющий понять, кто ты есть, укрепить свою идентичность для последующего движения вперед. «Рефлексия — это возвращение к себе, посредством которого субъект постигает себя как некий удостоверяющий и объединяющий принцип своих действий» [20, с. 83]. Как пишет В. М. Розин, рефлексия предполагает выход из сложившегося мышления, дает установку на развитие, изменение,

предполагает объяснение собственной работы и мышления в реальности деятельности и развития [19].

Соответственно в этике рефлексия предполагает возвращение теории морали к своим теоретическим и методологическим предпосылкам. Этическая рефлексия позволяет дистанцироваться от исторически конкретных и субъективных суждений, перейти от моральных высказываний к высказываниям о морали. Этическая рефлексия постоянно проясняет те основания, на базе которых происходит осмысление инвариантных и изменчивых аспектов нравственности. Поскольку этика ответственности является не только теорией морали, но и нормативной программой, учением о правильной жизни, она рассматривает приемлемые варианты человеческого существования, сравнивает и обосновывает их. Такая рефлексивная нормативная этика противостоит моральному догматизму и отличается от нравственной непосредственности.

Если рефлексия — это процесс, то рефлексивность — это свойство того, кто осуществляет рефлексю. Рефлексивными в математике являются такие отношения элементов множества, когда каждый элемент множества находится в данном отношении к самому себе. Типичным примером являются параллельные прямые или фигуры, характеризующиеся подобием. При применении математической аналогии особенно заметно, что рефлексивность объекта как бы подчёркивает и укрепляет его идентичность. Параллельная прямая параллельна всем другим и самой себе, за счет чего как бы дополнительно убеждается в своей параллельности.

Соответственно, рефлексивный моральный субъект, «обращаясь назад», к основаниям собственных нравственных способностей, мышления и деятельности, может прояснить их, соотнести с высказываниями и поступками других моральных субъектов, со своими предыдущими мыслями и поступками и в результате укрепить свою нравственную идентичность, получить уверенность в собственной моральной компетентности. Поэтому для живого морального субъекта рефлексия — это возвращение к себе самому как главному условию моральности.

Современный тип рациональности: рефлексия и ответственность

Современные исследования рациональности вообще и рефлексивной рациональности, в частности, показывают её глубинную взаимосвязь с феноменом ответственности. Если одни способы использования рациональности могут иметь безнравственные последствия, то рефлексивная рациональность невозможна без коммуникативного, ценностно ориентированного ответственного субъекта. Как отмечал В. С. Швырёв, Издержки рационального постижения действительности возникают только в случае отказа субъекта от свободы и ответственности [22, с. 12]. Как в античности, так и в культуре Просвещения обосновывался тезис о том, что нравственная свобода субъекта и свободное общество являются предпосылкой выработки рационального знания, используемого для переустройства мира [22, с. 7]. Просвещение — это «традиция свободной *ответственной* самосознающей мысли, не подчиняющейся давлению внешних сил, будь это инерция обыденного сознания, авторитет традиции, религиозные догматы, не говоря о грубом идеологическом и социальном диктате» [14, с. 3]; «мужество пользоваться собственным умом, принимать на себя всю полноту *ответственности* за собственную идейную позицию, предполагающее, разумеется, умение, культуру этого пользования» [22, с. 36]

Анализируя исторические типы рациональности, В. С. Швырёв говорит о «закрытой» рациональности как рассудочном упорядочивании мира и «открытой» рациональности творческого разума [23]. Открытая рациональность не сводится к построению концептуальных схем или эффективным решениям задач, она «органически связана с формированием смысложизненных установок, идеалов мироотношения, когда исходные истины рационального “миропонимания” становятся основой для регуляции реального поведения людей» [23, с. 22]. Рациональность выступает характеристикой не только мышления, но и поведения, она имеет регулятивный характер и в свою очередь встроена в

конкретный путь правильной жизни. Субъект мышления и поведения реализует рациональность как собственный ответственный проект.

В. Н. Порус в рассуждении о рациональности и этике показывает, что есть два типа рациональности и соответствующие им два типа этического. «Мораль, как и догматическая (критериальная) рациональность, ограничивает пространство свободы человека. Нравственность основана на свободном выборе и ответственности, и, следовательно, по аналогии с критико-рефлексивной (анти- или внекритериальной) рациональностью, принимает на себя противоречия свободы... Средоточие нравственности — совесть» [17, с. 330]. Если отвлечься от специфического употребления автором терминов «мораль» и «нравственность», то тут обосновывается важный тезис: обладая рефлексивной рациональностью, нравственный субъект способен быть ответственным. «Субъект, поднявшийся до критики оснований собственной мысли и практики, обретает личностную уникальность, свободу, принимая в то же время на себя и *ответственность*» [17, с. 328].

Т. Г. Анистратенко как бы подхватывает мысль об этической нормативно-ценностной фундированности рефлексивной рациональности: «В отличие от способности к абстрактному понятийному мышлению, рефлексивная рациональность характеризуется выработкой личностных способов оценки соответствующей социальной реальности, разумной мерой проявления себя в этой социальной реальности, а также пониманием требований следования культурным нормам и ценностям той или иной социальной реальности» [3, с. 142].

Переходя от рациональности в целом к типам научной рациональности, В. С. Стёпин показал, что в современном научном знании утвердился постнеклассический тип рациональности, который предполагает аксиологические, этические основания и рефлексии по их поводу [21]. «Современная философия познания, — поддерживает его мысль В. С. Швырёв, — вынуждена признать, что, в конечном счете, субъект познания никогда не может уйти от *ответственности* принятия собственных решений, не гарантированных полностью каким-либо внеш-

ним концептуально-логическим или фактуально-эмпирическим авторитетом, то есть свободных поступков (в смысле Бахтина)» [22, с. 146]

Таким образом, современные исследования рациональности установили прямую связь между рефлексивностью и ответственностью субъекта познания и социальной деятельности. В этике ответственности ключевая характеристика морального субъекта — ответственность — также связывается с его рефлексивностью. В свою очередь и сам этот тип теории морали носит рефлексивный характер, идеи этики ответственности развиваются в постоянном диалоге с другими концепциями и никогда не приобретают характер метафизической проповеди и морализаторства. Утверждается инструментальный, функциональный характер этической теории, которая постоянно находится в коммуникационной динамике.

Моральная психология и место рефлексии в морали

В современной классификации научного знания моральная психология является разделом психологии, а не этики. Из данного обстоятельства проистекает два следствия. Во-первых, авторам-психологам постоянно приходится переходить от конкретных исследований к общефилософским рассуждениям с использованием соответствующих категорий. Поскольку мораль является областью духовной жизни, охарактеризовать которую через простейшие психические функции не удастся. Собственно, все создатели психологических школ неизбежно создавали собственную философскую концепцию «души» как той реальности, которую и должна исследовать психология. «Рассматривая рефлексивные способности в качестве высших, мы используем критерий близости к духовному Я, движение от эгоцентрического Я к духовному Я, в основе которого находится морально-ценностный фундамент личности» [16, с. 58].

Во-вторых, в психологических исследованиях отчетливо проступает взаимосвязь моральной рефлексии и феномена ответственности. В классических трудах А. А. Ухтомского, В. П. Зинченко, С. Л. Рубинштейна прослеживается взаимосвязь роли Другого, ответственности и

поступка с рефлексией. Если в основе ответственности лежит способность выступать причиной собственных действий и изменений, то способность к рефлексии этих изменений и действий совершенно необходима. Как пишет представитель рефлексивной психологии И. Н. Семенов, «способность к самопознанию и самоанализу связана с чувством ответственности, эта способность делает возможной саморегуляцию и самоконтроль личности, обнаруживает в сознании механизм мотивации («внутренней мотивации», самомотивации), что способствует развитию творческого мышления личности и самосовершенствованию человека» [9, с. 48]. Так рефлексия оказывается в основе способности к самопреобразованию, которая в этике ответственности является ключевым свойством морального субъекта.

В-третьих, психология своими методами устанавливает коммуникативную природу той рефлексии, которая связана с ответственностью. В отличие от классической философии, в которой чистый разум осуществлял саморефлексию автономно, современные концепции рефлексивной рациональности указывают на роль Другого в образовании смысла. «Такая рациональность очевидно предполагает творчество, свободу, максимальную мобилизацию всех конструктивных душевных усилий личности, осуществляющуюся, однако, *в контексте межличностной работы, процесса общения*» [23, с. 29]. Способность встать в критико-рефлексивную позицию по отношению к собственным установкам и убеждениям предполагает их соотнесение с установками другого.

Таким образом, современные исследования подтверждают наличие морально-психологических оснований феномена ответственности и фундирующую роль рефлексии в нем.

Познавательные аспекты моральной и этической рефлексии

Как полагают Ф. В. Лазарев и С. А. Лебедев, «существуют следующие основные формы рефлексии как особой познавательной процедуры: сомнение, ирония, критика, парадокс, вопрошание. Все эти формы имеют универсальный характер и применяются во всех видах

человеческого познания» [13, с. 15]. Соответственно, среди познавательных процедур, которые осуществляет моральное сознание субъекта, можно обнаружить упомянутые формы рефлексии. Также они реализуются и в этике ответственности как теории морали, познающей свой объект.

Идущее от Декарта методологическое *сомнение* заставляет не столько усомниться в тех или иных моральных нормах, сколько, напротив, позволяет этической мысли проконтролировать своё содержание и придать ему разумную значимость. *Критика* как форма рефлексии, отработанная Кантом, предполагает, что мышление должно прояснять свои основания, не принимать их за самоочевидные. Если в целом его трансцендентальная рефлексия позволяет установить предпосылки познавательных процессов, то и применительно к морали такая рефлексия необходима для укоренения морали в разуме и установления безусловного нравственного закона. Независимо от того, что представители этики ответственности зачастую критиковали этику Канта, данный тип теории морали отличается тщательной критической рефлексией своих предпосылок.

Познавательное *вопрошание* побуждается пробелом в знании, пустотой на пути познавательного стремления. В этом плане философия — это область вопрошания, вопросов, не имеющих окончательного ответа. Тем более не имеют фиксированного ответа нравственные вопросы человека. Теоретический ответ (на вопрос о свободе, например) не мешает каждому новому субъекту ставить этот вопрос и считать его «проклятым». Методологически вопрошание позволяет проблематизировать некоторую область, не объяснять уже известные феномены, а выявить новые предметы этического мышления. К числу таких предметов можно отнести сложившиеся в XX веке экологическую и биомедицинскую этику, нормативные программы которых центрируются понятием ответственности.

Парадокс как форма рефлексии «нередко нацелен на такие ситуации познания, когда обнаруживается недостаточность чисто рациональных средств мысли, когда возникает необходимость обращения к

ресурсам интуиции, к образности, к внерациональной сфере» [13, с. 20]. Мораль в ее экзистенциальных проявлениях не познается средствами чисто рациональной этики, а моральному субъекту для самопонимания и саморегуляции своей деятельности постоянно приходится, осуществлять рефлекссию моральных казусов, в которых соблюдение одной моральной нормы предполагает нарушение другой моральной нормы, отмечать парадоксальность своих моральных решений.

Особое место среди рефлексивных процедур морального субъекта занимает *ирония*, которая, казалось бы, в морали современно неуместна. Между тем, предпосылки иронического присутствия в самой природе морали с ее раздвоением должного и сущего, противоречием явных и скрытых слоев морального смысла, которые познает моральный субъект в ходе практического освоения морали и самопознания [6]. Тем более этика ответственности как недогматическая теория морали должна пользоваться иронией и самоиронией для углубления представлений о предмете. Как писал П. Миллер, «если мы установим этику как систематическую рефлекссию себя в отношении к самому себе, и поскольку ... цель этой рефлексии — в создании новых форм индивидуальности, то ирония и иронические тексты будут играть фундаментальную роль в любой искренней этической работе» [24, р. 57].

Таким образом, как познание субъектом нормативно-ценностного мира, необходимого для построения правильной жизни, так и познание этикой ответственности сущности и функционального предназначения морали, осуществляются во всеобщих формах рефлексии.

Особенности моральной рефлексии в этике ответственности

У морального субъекта этики ответственности феноменологически первичное схватывание ценностей как сущностей непременно дополняется рефлексивными процедурами. Его нравственность — это не просто «система ценностей», но рефлексивная система ценностей, постоянно позиционирующая свое место среди других. Притом это не

классическая борьба аксиологических предпочтений, в которой всё, что не соответствует моему добру, маркируется как зло. Место среди других ценностей можно занимать неконфликтно, сопрягать свой ценностный мир с другими. Моральная рефлексия также должна прояснить происхождение наших моральных представлений и аргументировать их значимость. Моральный субъект нуждается в такой процедуре для того, чтобы быть в состоянии самостоятельно принимать решения по поводу своей ответственности.

Также моральная рефлексия — это прояснение значения и смысла моральных понятий, представлений, оценок. Она осуществляется как классическим способом интерпретации и отсылки к сущности, зафиксированной в каком-то моральном понятии, так и дискурсивно. Для этики ответственности именно дискурсивное прояснение является наиболее важным, так как оно осуществляется в коммуникации субъектов, соотносит моральное высказывание с его целью и его контекстом. Это позволяет субъекту сделать моральные ценности и высказывания о них инструментом своего ответственного поведения, контролировать нравственные процессы, в которые он оказывается вовлеченным или которые он сам инициирует.

Наряду с рефлексией значимое место среди инструментов морального познания занимает интеллектуальная интуиция, традиция исследования которой восходит к Декарту и Спинозе. Комбинация рефлексии и интуиции становится основой понимания — герменевтической познавательной способности, без которой мораль была бы невозможной [4]. Поначалу моральный субъект осуществляет нерефлексивное (интуитивное, непосредственное) вхождение в пространство отношений с Другим и признает эти отношения достойными (стоящими) своей ответственности, а потом с помощью рациональной рефлексии устанавливает меру своей ответственности, подбирает моральные понятия, в которых будет мыслить ситуацию, конкретные правила. Далее моральная рефлексия может носить уже не познавательный, а практический характер — совершая нравственные поступ-

ки и входя с их помощью в коммуникацию с Другим, моральный субъект конституирует самого себя не автономно, а рефлексивно.

В классической философии рефлексия субъекта касалась исключительно интроспекции устройства собственного разума, упорядочивала мир и познание единственно возможным способом, самопрозрачным для себя самого. В этике же ответственности рефлексивность — это самопонимание в результате коммуникативного сетевого соотношения себя с Другими. «Если мы признаем за субъектом моральной компетенции рациональность, то эта рациональность может быть названа консенсусно-коммуникативной рациональностью, в терминах Апеля и Хабермаса» [2, с. 54]. Мораль рождается между людьми в ходе их диалогического общения, рефлексия протекает в форме диалога с Другими и предполагает ответственность за него. Она обеспечивает субъекту моральную компетентность, и это новый момент, на который обращает внимание этика ответственности. Рефлексия не является чистым мышлением, она предполагает не только *знание о добре*, но и *знание добра* — фронезис, знание-умение разрешать ситуации, каковое образуется в процессе жизненного пути субъекта [1, с. 7–8].

Рефлексивность выступает важнейшей не только гносеологической, но и онтологической характеристикой морального субъекта этики ответственности, она характеризует не только моральное познание, но представляет собой универсальную способность субъекта полагать себя в бытии. Самодетерминирующийся субъект, выступающий причиной бытия-события с необходимостью соотносит себя с другими участниками ситуации, со своими предшествующими и проектируемыми своими состояниями, со всеми возможными интерпретациями своего положения в мире, отдает себе отчет в характере своей способности оказывать влияние на события. Рефлексия становится не только мыслительной, но и практической процедурой, с помощью которой субъект полагает себя в бытии. Как писал М. М. Бахтин: «Поступок в его целостности более, чем рационален. Он — ответственен», «рациональность только момент ответственности» [5, с. 103].

Следует отметить, что рефлексивность морального субъекта является не только результатом теоретического конструирования этики ответственности, но и реальностью современной нравственной жизни. Субъект постмодерной системы нравственности, сложившейся в глобальном мире, является гибким, модульным, постоянно находящимся в состоянии выбора жизненных ценностей и нормативных программ. Рефлексия себя в сложном и постоянно меняющемся мире не всегда рациональна, часто это практическая рефлексия, результаты которой появляются в ходе социального взаимодействия, включения в многообразные сообщества, коммуникации с другими моральными субъектами. В отличие от автономной личности модерна, чья идентичность носит устойчивый характер, данный субъект имеет модульную структуру, он не столько рационален, сколько рефлексивен.

Не меньшее значение рефлексивность играет и для неотрадиционной системы нравственности и ее субъекта. Как отмечает одна из разработчиков понятия «неотрадиционализм» С. А. Мадюкова, «социокультурный неотрадиционализм проявляется в привнесении в процесс воспроизводства традиций рефлексии и рациональности» [15, с. 11]. Моральный субъект неотрадиционной системы нравственности проявляет способность к рефлексивной избирательной реактуализации элементов нормативно-ценностной структуры традиционной нравственности с помощью современного и постмодерного способов регуляции [7, с. 16].

Таким образом, в этике ответственности обосновывается специфика рефлексии как самостоятельного акта, несводимого к рациональности и имеющего важнейшее значение для осуществления морали. Моральное познание включает нерефлексивную рациональность (интуицию), рациональную рефлексия (в понятиях) и внерациональную рефлексия (в поведенческой коммуникации). Притом познание (сущности морали, значения моральных норм и даже Другого в его уникальности) не является для морального субъекта этики ответственности главной способностью, но лишь предпосылкой разрешения ситуации коммуникации в современном мире.

Выводы

Рефлексивность может пониматься и как общее свойство рациональности, и как специфический способ её осуществления в современном мире. У морального субъекта она проявляется в форме перманентного соотношения себя с Другим, своего текущего морального опыта с прошлым и проектируемым будущим, предполагает проверку обоснованности принимаемых нравственных норм и аргументацию их значимости в свободной коммуникации с другими участниками нравственных отношений. Так рефлексия позволяет моральному субъекту конституировать себя, становится компетентным в нравственной области и практически брать на себя ответственность за происходящие нравственные процессы. Рефлексивность не является лишь эпифеноменом рациональности, но представляет собой практическую способность, которая проявляется не только в познании, но и в поступке, не только в гносеологической, но и в онтологической плоскости.

Этика ответственности развивается как теория морали, описывающая, объясняющая и нормативно обеспечивающая правильность жизни рефлексивного субъекта современных постмодерных и неотрадиционных систем нравственности. Она сама обладает рефлексивностью, предполагающей тщательное прояснение методологических и теоретических оснований своего дискурса, его целевых и контекстных характеристик.

Список литературы

1. Абульханова К.А. Методологический принцип субъекта: исследование жизненного пути личности // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 2. С. 5–18.
2. Агафонова Е.В. Проблема релевантности принципа рациональности в этических теориях // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 374. С. 42–48.

3. Анистратенко Т.Г. Рефлексивная рациональность как характеристика рефлексивного мышления // Вестник Краснодарского ун-та МВД России. 2016. № 4 (34). С. 140–144.
4. Артемьев Т.М. Интуиция и рефлексия в понимании : диссертация ... канд. филос. н. : 09.00.01 / Санкт-Петерб. гос. ун-т. СПб., 2014. 174 с.
5. Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники : Ежегодник 1984–1985. М. : Наука, 1986. С. 82–160.
6. Беляева Е.В. Роль иронического отношения в познании морали // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Сер. 1. 2019. № 2. С. 19–30.
7. Беляева Е.В. Неотрадиционализм как характеристика системы нравственности белорусского общества // Вучоныя запіскі Брэсцкага ўніверсітэта : зб. навук. прац. Выпуск 9. Частка 1. Гуманітарныя і грамадскія навукі. Брэст, 2013. С. 15–21.
8. Беляева Е.В. Три типа теории морали: «этика блага», «этика долга», «этика ответственности» // Философские традиции и современность. Тамбов. 2013. № 1 (3). С. 74–80.
9. Бухарова А.А., Семенов И. Н. Обзор концепций рефлексии и образования М. Шелера с позиций рефлексивной психологии // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2015. № 4–5. С. 18–63.
10. Гайденко П.П. Научная рациональность и философский разум. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 528 с.
11. Канке В.А. Этика ответственности. Теория морали будущего М. : Логос, 2003. 352 с.
12. Кузьмин А.А. Рефлексивная рациональность в познании и бытии человека : автореф. дис. ... д-ра филос. н. : 09.00.01 / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 1999. 33 с.
13. Лазарев Ф.В., Лебедев С.А. Философская рефлексия: сущность, типы, формы // Вопросы философии. 2016. № 6. С. 15–28.
14. Лекторский В.А. Предисловие // Рациональность на перепутье. М.: Росспэн, 1999. Кн. 1. С. 3–6.
15. Мадюкова С.А. Социокультурный неотрадиционализм в обрядах жизненного цикла : на примере женщин тюркских этносов Южной Сибири : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Новосибир. гос. ун-т. Новосибирск, 2008. 17 с.
16. Ожиганова Г.В. Рефлексия, рефлексивность и высшие рефлексивные способности: подходы к исследованию // Вестник Костромск. гос. ун-та. Сер. Педагогика. Психология. Социокинетика. 2018. № 4. С. 56–60.

Беляева Е. В.
Рефлексивность морального субъекта
в этике ответственности

17. Порус В.Н. Парадоксы научной рациональности и этика // Исторические типы рациональности / под ред. В. А. Лекторского. М.: ИФРАН, 1995. Т. 1. С. 317–335.
18. Рациональное и эмоциональное в морали / под ред. А.И. Титаренко, Е.Л. Дубко. М.: Изд-во МГУ, 1983. 156 с.
19. Розин В.М. Рефлексия, мышление и квазирефлексивные структуры // Рефлексивные процессы и управление. 2003. № 1, том 3. С. 40–57.
20. Соколова, Л.Ю. Формирование «субъекта» в философии П. Рикёра // Вестник СПбГУ. 2013. Сер. 17. Вып. 2. С. 83–89.
21. Стёпин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура / под ред. Л.П. Киященко, В.С. Стёпина. СПб., 2009. С. 249–295.
22. Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 176 с.
23. Швырёв В.С. Рациональность в спектре ее возможностей // Исторические типы рациональности / под ред. В.А. Лекторского. М.: ИФРАН, 1995. Т. 1. С. 7–29.
24. Miller P.A. Ethics and Irony // SubStance. 2009. Issue 120. Vol. 38. № 3. P. 51–71.

References

1. Abul'khanova K.A. (2014). Metodologicheskii printsip sub"yekta: issledovaniye zhiznennogo puti lichnosti [The methodological principle of the subject: a study of the life path of the individual] // Psikhologicheskii zhurnal [Psychological journal]. Т. 35. № 2. С. 5–18.
2. Agafonova Ye.V. (2013). Problema relevantnosti printsiipa ratsional'nosti v eticheskikh teoriyakh [The problem of the relevance of the principle of rationality in ethical theories] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Tomsk State University]. № 374. С. 42–48.
3. Anistratenko T.G. (2016). Refleksivnaya ratsional'nost' kak kharakteristika refleksivnogo myshleniya [Reflexive rationality as a characteristic of reflective thinking] // Vestnik Krasnodarskogo un-ta MVD Rossii [Bulletin of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. № 4 (34). С. 140–144.
4. Artem'yev T.M. (2014) Intuitsiya i refleksiya v ponimanii [Intuition and reflection in understanding]: tesis PhD : 09.00.01 / Sankt-Peterburg state un-ty. Sankt-Peterburg. 174 s.

5. Bakhtin M.M. (1986). K filosofii postupka [Towards the philosophy of action] // Filosofiya i sotsiologiya nauki i tekhniki [Philosophy and Sociology of Science and Technology] : Yearbook 1984–1985. Moscow : Nauka. S. 82–160.
6. Belyaeva E.V. (2019). Rol' ironicheskogo otnosheniya v poznanii morali [The role of an ironic attitude in the cognition of morality] // Vesnik Brestskaga univérsiteta [Bulletin of Brest Un-ty]. Ser. 1. № 2. S. 19–30.
7. Belyaeva E.V. (2013). Neotraditsionalizm kak kharakteristika sistemy npravstvennosti belorusskogo obshchestva [Neo-traditionalism as a characteristic of the system of morality of the Belarusian society] // Vuchonyya zapíski Brestskaga univérsiteta: zb. navuk. prats [Scientific notes of Brest University: collection of scientific articles]. Vol. 9. Part 1. Humanities and social sciences. Brest. S. 15–21.
8. Belyaeva E.V. (2013). Tri tipa teorii morali: «etika blaga», «etika dolga», «etika otvetstvennosti» [Three types of moral theory: "ethics of good", "ethics of duty", "ethics of responsibility"] // Filosofskiye traditsii i sovremennost' [Philosophical traditions and modernity]. Tambov. № 1 (3). S. 74–80.
9. Bukharova A.A., Semenov I. N. (2015). Obzor kontseptsiy refleksii i obrazovaniya M. Shelera s pozitsiy refleksivnoy psikhologii [Review of the concepts of reflection and education by M. Scheler from the standpoint of reflexive psychology] // Psikhologiya. Istoriko-kriticheskiye obzory i sovremennyye issledovaniya [Historical and critical reviews and modern research]. № 4–5. S. 18–63.
10. Gaydenko P.P. (2003) Nauchnaya ratsional'nost' i filosofskiy razum [Scientific rationality and philosophical reason]. Moscow: Progress-Traditsiya. 528 s.
11. Kanke V.A. (2003). Etika otvetstvennosti. Teoriya morali budushchego [Ethics of responsibility. The theory of morality of the future]. Moscow : Logos. 352 s.
12. Kuz'min A.A. (1999). Refleksivnaya ratsional'nost' v poznanii i bytii cheloveka [Reflexive rationality in the cognition and being of a person]: autoref. dis. ... d-ra filos. n. : 09.00.01 / Moscow state un-ty named by M.V. Lomonosov. Moscow. 33 s.
13. Lazarev F.V., Lebedev S.A. (2016). Filosofskaya refleksiya: sushchnost', tipy, formy [Philosophical reflection: essence, types, forms] // Voprosy filosofii [Problems of Philosophy]. № 6. S. 15–28.
14. Lektorskiy V.A. (1999). Predisloviye [Foreword] // Ratsional'nost' na pereput'ye [Rationality at a Crossroad]. Moscow: Rosspen. Kn. 1. S. 3–6.
15. Madyukova S.A. (2008). Sotsiokul'turnyy neotraditsionalizm v obryadakh zhiznennogo tsikla : na primere zhenshchin tyurkskikh etnosov Yuzhnoy Sibiri

- [Socio-cultural neo-traditionalism in the rituals of the life cycle: on the example of women of the Turkic ethnic groups of Southern Siberia]: autoref. dis. ...
kand. filos. nauk : 09.00.11 / Novosibirsk state un-ty. Novosibirsk. 17 s.
16. Ozhiganova G.V. (2018). Refleksiya, refleksivnost' i vysshiye refleksivnyye sposobnosti: podkhody k issledovaniyu [Reflection, reflexivity and higher reflexive abilities: approaches to research] // Vestnik Kostromsk. gos. un-ta. Ser. Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika [Bulletin of Kostromsk. state un-that. Ser. Pedagogy. Psychology. Sociokinetics]. № 4. S. 56–60.
  17. Porus V.N. (1995). Paradoksy nauchnoy ratsional'nosti i etika [Paradoxes of scientific rationality and ethics] // Istoricheskiye tipy ratsional'nosti / pod red. V. A. Lektorskogo [Historical types of rationality / ed. V. A. Lektorsky]. Moscow. IFRAN. T. 1. S. 317–335.
  18. Ratsional'noye i emotsional'noye v morali / pod red. A.I. Titarenko, E.L. Dubko [Rational and emotional in morality / ed. A.I. Titarenko, E.L. Dubko] (1983). Moscow. MGU. 156 s.
  19. Rozin V.M. (2003) Refleksiya, myshleniye i kvazirefleksivnyye struktury [Reflection, thinking and quasi-reflective structures] // Refleksivnyye protsessy i upravleniye [Reflexive processes and management]. № 1. T. 3. S. 40–57.
  20. Sokolova, L.Yu. (2013). Formirovaniye «sub"yekta» v filosofii P. Rikora [Formation of the "subject" in the philosophy of P. Ricoeur] // Vestnik SPbGU [Bulletin of St. Petersburg State Un-ty]. Vol. 17. Iss. 2. S. 83–89.
  21. Stepin V.S. (2009). Klassika, neklassika, postneklassika: kriterii razlicheniya [Classics, non-classical, post-non-classical: criteria of distinction] // Postneklassika: filosofiya, nauka, kul'tura / pod red. L.P. Kiyashchenko, V.S. Stepina [Post-non-classical: philosophy, science, culture / ed. L.P. Kiyashchenko, V.S. Stepin]. Saint-Petersburg. S. 249–295.
  22. Shvyrev V.S. (2003). Ratsional'nost' kak tsennost' kul'tury. Traditsiya i sovremenност' [Rationality as a cultural value. Tradition and modernity]. Moscow. Progress-Traditsiya. 176 s.
  23. Shvyrov V.S. (1995). Ratsional'nost' v spektre yeye vozmozhnostey [Rationality in the spectrum of its capabilities] // Istoricheskiye tipy ratsional'nosti / pod red. V.A. Lektorskogo [Historical types of rationality / ed. V.A. Lektorsky]. Moscow. IFRAN. T. 1. S. 7–29.
  24. Miller P.A. Ethics and Irony // SubStance. 2009. Issue 120. Vol. 38. № 3. R. 51–71.